

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Сударь Пантелей-свет Иванович

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Сударь Пантелей-свет Иванович / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-95262-0

ISBN 978-5-519-95262-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Сударь Пантелей — Свѣтъ Ивановичъ.

Новгородское преданіе.

I.

ударь Пантелей —
свѣтъ Ивановичъ все-
гда просыпался очень
рано, а сегодня про-
снулся раньше рання-
го, потому что его
укусилъ клопъ. Ста-

рый новгородскій бояринъ разсердился.

— Непремѣнно, это московскій клопъ, —
ворчалъ онъ, сидя на пуховой перинѣ. — Въ
нашей новгородской землѣ не водъ клопу.
У насъ тараканъ, потому какъ онъ тепло
любитъ... А Москва голодная, она и развела
клопа. Тьфу! окаянный...

Въ боярской опочивальнѣ утромъ красиво

играли по стѣнамъ и на полу разноцвѣтные солнечные зайчики, потому что въ окнахъ вставлены были нѣмецкаго дѣла стекольницы изъ слюды и цвѣтныхъ стеколъ. Выдумала ихъ поставить затѣйница боярыня Никитишна, когда еще была молодой, и когда сударь Пантелей не зналъ, чѣмъ бы только ей угодить. Сейчасъ боярыни Никитишны не было въ опочивальнѣ. Она поднималась раньше мужа и ушла наводить свои бабьи порядки по дѣвичьимъ и людскимъ.

Обругавъ еще разъ московскаго клопа, бояринъ разгладилъ свою окладистую, сѣдую бороду и началъ перечислять сначала въ умѣ, а потомъ вслухъ свое боярское добро. А добра было не мало.

— Одна вотчина въ два дня конемъ не объѣдешь,—считалъ онъ, загибая одинъ палецъ,—деревнишекъ въ ней, какъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ... да! холоповъ въ нихъ наберется съ тыщу, да еще четь тыщи... дворовыхъ людишекъ съ полсема тыщи... коней три табуна... прошлогодняго хлѣба амбаровъ съ двадцать... цвѣтнаго платья не износить, а серебро копится еще отъ дѣла...

Закрывъ глаза, сударь Пантелей долго пересчитывалъ свое добро, которое товарами

шло круглый годъ изъ Заволочья, съ Югры, по Вслхову,—охъ, какъ много было боярскаго добра! Знали сударя Пантелея и за Варяжскимъ моремъ, и въ Кіевѣ, и въ Сурожѣ.

Когда не достало на рукахъ пальцевъ пересчитывать добро, боярину показалось, что кто-то въ опочивальнѣ хихикнулъ.

— Что-о?—грозно спросилъ онъ, оглядываясь кругомъ.—Кто мнѣ можетъ перечить?

Онъ поднялся, осмотрѣлъ всю опочивальню, заглянулъ даже подъ кровать,—никого не было. Сударь Пантелей окончательно разсердился и топнулъ ногой.

— Кто мнѣ можетъ перечить?—повторилъ онъ еще разъ.

Умывшись, одѣвшись и помолившись Богу, бояринъ вышелъ изъ опочивальни въ горницы. Это были маленькія комнатухи съ узенькими оконцами, выходившими частью на улицу. Время стояло весеннее, и солнце врывалось въ горницы золотыми снопами. У боярыни уже все было готово къ раннему завтраку. Любилъ старый бояринъ покушать, а боярыня умѣла покормить. Домъ былъ полная чаша, и ни въ чемъ недостачи не было. Сегодня сударь Пантелей вышелъ мрачный и все разглаживалъ свою окладистую, сѣдую бороду,—это былъ плохой признакъ для всей домашней челяди. Не боялась грознаго сударя Пантелея одна боярыня Никитишна, полная, важеватая старуха.

За завтракомъ сударь Пантелей пожаловался женѣ на московскаго клопа.

— И откуда бы ему взяться?—удивлялась боярыня.—Это ты съ нѣмцами дружбу дружишь, ну, и затащилъ отъ нихъ клопа... И носъ у тебя красный бываетъ на другой день, какъ сходишь на нѣмецкій дворъ.

— Нельзя, дѣла... Ты ничего не понимаешь...

— Очень даже понимаю, какъ заморскія вина пьете...

— Случается... А только нѣмцы чисто живутъ, почище насъ, и чтобы клопъ—ни-ни!.. Это ужъ ты оставь... Ты вотъ лучше за своими-то дѣвками смотри, которыя постель дѣлають... Для перваго раза прощаю, а потомъ и на грозу поставлю. Ну, да некогда мнѣ съ тобой разговаривать... Надо вотъ въ Кремль зайти, повидать соборнаго протопопа Авила, потомъ на Торговую сторону. Товара по Волхову, сказываютъ, изъ-за моря навезено видимо-невидимо.

Опоясалъ сударь Пантелей свой зеленый кафтанъ изъ нѣмецкаго сукна широкимъ шелковымъ поясомъ, накинулъ на плечи красный охабень, взялъ длинную трость съ набалдашникомъ изъ „рыбьяго зуба“ *) и вышелъ на крыльцо. Хорошо поставлены были боярскія хоромы, а дворовыя постройки окружали, какъ тынь изъ хорошихъ зубовъ. Крѣпко жилъ сударь Пантелей, на зависть всѣмъ добрымъ людямъ.

*) Рыбьимъ зубомъ называли клыки моржа, изъ которыхъ вырѣзывали разныя вещи для украшенія.

Низкими поклонами проводили его со двора выбѣжавшіе челядинцы и долго смотрѣли ему вслѣдъ, какъ важеватый старикъ, не торопясь, шелъ къ Кремлю.

— Нѣту у насъ во всемъ Новгородѣ другого такого...—судили они.—И ростомъ взялъ, и дородствомъ, и бородой, и походкой...

Сударь Пантелей дошелъ до конца улицы и хотѣлъ уже повернуть за уголъ, какъ его догналъ вершникъ. Это былъ головорѣзь Буня, служившій въ боярской вотчинѣ сторожемъ. Онъ быстро спѣшился и, снявъ шапку, доложилъ:

— Не ладно у насъ на Уключинѣ, бояринъ...

— Опять Озноба заворошился?

— Нѣтъ, похуже будетъ... Проявился невѣдомый человѣкъ, по обличью, какъ будто изъ московскихъ, и землю твою запахалъ...

— А чего же вы смотрѣли?..—разсердился сударь Пантелей..

— Не простъ человѣкъ, бояринъ... Мы его гонимъ, а онъ нейдетъ, да еще такія слова говорить... Пригналъ тебѣ сказать, какъ ужъ ты соизволишь...

Сударь Пантелей нахмурился, покраснѣлъ и, ударивъ тростью въ землю, отвѣтилъ:

— Не иначе дѣло, какъ черезъ Ознобу!... Его работа. Давно у него зубъ горить на мою-то Уключину...

Сударь Пантелей вернулся домой, чтобы разобрать мудреное дѣло вмѣстѣ со своимъ старостой Жгуномъ... Староста былъ хитрый мужикъ, и всегда во всемъ соглашался со своимъ бояриномъ. Вертитъ шапку въ рукахъ и повторяетъ:

— Это точно, бояринъ... Правильно твое слово... Гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, уразумѣть супротивъ тебя...

И сейчасъ было тоже.

— Это правильно, бояринъ...—говорилъ Жгунъ.—Озноба подводитъ, не иначе тому дѣлу быть...

— А хороши мои-то холопы?—возмущался сударь Пантелей.—Одного человѣка испугались... Хуже бабъ. Буня! я вмѣсто тебя поставлю въ сторожа ключницу Маланью... Она ухватомъ прогонитъ московскаго холопишку. Такъ я говорю, Жданъ?

— Вѣрнѣе вѣрнаго, бояринъ... Даваль ошибку Буня...

Буня только переминался съ ноги на ногу, искоса поглядывая на хитраго старосту, поддакивавшаго хозяину.

— А ты самъ бы попробовалъ прогнать его...—ворчалъ вѣрный боярскій слуга.

— Изъ себя, што ли, больно ужъ страшенъ?

— Страшнаго ничего нѣтъ, а только человекъ особенный... Вотъ какія слова разговариваетъ...

— Да какія слова-то?

— А такія... Ступай самъ, поговори съ нимъ...

По части словъ Буня былъ плоховать. Онъ больше умѣлъ дѣйствовать руками, когда прикажутъ.

— Ахъ, Буня, Буня!—корилъ сударь Пантелей вѣрнаго раба.—Хорошій ты у меня мужикъ, одинъ на медвѣдя ходишь, а вотъ чужихъ словъ испугался... И то, видно, придется послать съ тобой Жгуна, у него языкъ-то безъ костей,—самъ заговорить всякаго. Ну, такъ того, лошадь твоя отдохнетъ, покормишь и въ дорогу вмѣстѣ съ Жгуномъ... Можетъ, вдвоемъ-то справитесь съ московскимъ холопишкой.

Буня передернулъ могучими плечами и не уходилъ, глядя куда-то въ уголъ.

— Ну, чего стоишь, какъ березовый пенъ?—проговорилъ сударь Пантелей.—Ступай въ людскую, тамъ отдохнешь, пока что...

— А ежели бояринъ Озноба ужъ проѣхалъ на Уключину?—проговорилъ Буня.

— Какъ проѣхалъ?!

— А такъ, верхомъ на татарскомъ иноходцѣ...

— Когда проѣхалъ?

— А навстрѣчу мнѣ попался... Я ѣду къ тебѣ, а онъ, надо полагать, ѣхалъ на Уключину. Самъ—шость *) ѣдетъ...

— Что же ты раньше-то молчалъ, дерево деревянное? Ахъ, Буня, Буня... Не бывать, видно, тебѣ ни кончанскимъ старостой, ни тысяцкимъ... Проѣхалъ, говоришь, Озноба? Такъ и чуяло мое сердце... Жгунъ, я самъ поѣду на Уключину, тоже самъ—шость.

II.

Великъ Новгородъ, люденъ Новгородъ, богатъ Новгородъ. Ёдетъ верхомъ на любимомъ аргамакѣ сударь Пантелей и любитъ. За нимъ ѣдутъ вершники съ Буней въ

*) Самъ—шость—самъ шестой.

головѣ. Дорога лежала чрезъ Кремль и Торговую сторону. Всѣ сняли шапки и помолились на святую Софію, а сударь Пантелей даже вздохнулъ. У него было предчувствіе чего то нехорошаго.

Всего лучше видъ на Новгородъ былъ со спуска на Волховской мостъ. Вся Торговая сторона, какъ соты, была залѣплена обывательской стройкой. А сколько церквей понастроено благочестивыми людьми, — не скоро и сосчитаешь. Тутъ же торгъ, и Вѣче, и Ярославовъ дворѣще. Волховъ былъ запруженъ барками, насадами, лодками, плотами. Торговля начиналась на рѣкѣ и переходила на берегъ. Отдѣльно стояли лодки съ иноземными товарами, приведенныя съ Волховскихъ пороговъ.

— Охъ, и здорово народу понаперло со всѣхъ сторонъ! — думалъ вслухъ сударь Пантелей, приглядывая изъ-подъ руки Волховъ вверхъ и внизъ по теченью, — всякаго жита по лопатѣ наберется...

Проѣхали торгомъ. Встрѣчные низко кланялись сударю Пантелею, — извѣстный былъ бояринъ, и всѣ его знали. Не совсѣмъ долюбивалъ сударь Пантелей вотъ эту самую торговую сторону — очень ужъ много здѣсь смутьяновъ изъ чернолюдыя. То и дѣло заво-